

ли сегодня гораздо меньше, чем намечалось по плану.

24 марта. На репетицию второй картины не явился артист А. Немеровский. Срочно вызвали замену—артиста И. Липского. Потеряли 40 минут.

На репетицию 15-й картины опоздал артист А. Марьян. Потеряли 20 минут.

Всего, значит, на опоздания ушел целый час. А сколько за этот час растрачено впустую творческих сил!

Самое досадное заключается в том, что мы уже выбились из графика. Сегодня занимались тем, что должны были делать вчера.

Решено: всей «тройкой» идем в дирекцию. Нельзя рассчитывать на одно настроение, — надо навести порядок.

26 марта. В дирекции были. Нас выслушали. Надеемся, что это принесет пользу.

Артистка Ц. Мансурова опоздала сегодня на шесть минут. Она не дождалась машины и шла пешком.

Еще через шесть минут появилась Г. Пашкова. Она сказала, что больная и в репетиции не участвовала. Зато весьма увлеченно вела телефонные переговоры о предстоящем концерте. Режиссеры вынуждены были, в связи с болезнью Пашковой, отменить репетицию 7-й картины и распустили собравшихся актеров.

29 марта. Репетировали всего 30 минут. А потом мы все разошлись по домам — опять же в связи с болезнью Пашковой.

2, 3, 4, 5 апреля... Никаких мер по сигналу «тройки» дирекцией не принято. Все эти дни график репетиций нарушался систематически, в связи с тем, что репертуарной частью были дополнительно назначены репетиции «Егора Булычова» для телевизионного центра.

12 апреля. «Героем дня» сегодня был В. Русланов. К началу репетиций он не явился. Дали один тревожный звонок, другой, третий. Наконец, он приходит, но без соответствующего костюма. Через несколько минут завязывает оживленный разговор с соседями. Режиссер останавливает репетицию, делает ему замечание. Но вскоре — снова смех, болтовня начинаются с новой силой...

14 апреля. «Проблема костюмов» начинает становиться острой. Вслед за Ру-

слановым, костюм для которого готов уже три недели и который тем не менее игнорирует этот факт, не желает надевать репетиционный костюм и Д. Пешкова. Между тем помощники С. Герасимова режиссеры Т. Ляознова и С. Самсонов вполне справедливо настаивают на том, чтобы все являлись в репетиционных костюмах, так как обычная одежда в этой фазе работы над спектаклем уже просто мешает.

19 апреля. Я заметил, что актеры, участвующие в нашем спектакле, довольно отчетливо разделяются на две группы — и вот по какому принципу.

Одни приходят на репетицию не только хорошо подготовленными, но и с запасом каких-то предложений режиссуре, с живой инициативой, основанной на глубоком знании воплощаемого характера, предлагаемых обстоятельств, действенной партитуры каждого эпизода. Ц. Мансурова, например. Эта артистка всегда в подлинно творческом состоянии. С первых же минут репетиции видно, что она много и упорно поработала дома. И поэтому роль у нее ото дня ко дню движется. Более того, у нее остро развито внимание к тому, что делают ее партнеры. Многим она помогает советом, кратким, мягким по форме, но неизменно точным по существу замечанием.

Подготовленность к репетиции, мне кажется, неизменно и неразрывно связана с поведением актера в ходе самой репетиции. Тут уж вопрос стоит так: либо ты скуч, ленив, либо ты готов к настоящей сработке.

Взять хоть массовые сцены. Можно быть инертным артистом, а можно оказаться душой массовки. А. Бизюков, А. Марьян, К. Ясюнская, Я. Смолейский репетировали сегодня в массовой сцене так темпераментно, так увлеченно, что вся сцена приобрела и яркость, и динамику, и осмысленность.

Но есть и другие.

Они приходят на репетицию неподготовленными, «пустыми», равнодушными, безинициативными. Они ничего с собой не приносят. От них режиссер не дожидается ни выдумки, ни самостоятельных поисков свежих красок и приспособлений. Хуже того — они распространяют на окружающих дыхание холода, застоя и скуки...

Беда оказаться партнером такого артиста. Посмотришь в его пустые глаза, — и слова, еще не сорвавшись с языка, превращаются в вялое бормотание.

Я думаю о том же Русланове. Несомненно, он способный человек. Но у него способности странно сочетаются с равнодушием, с безответственностью, заискиванием. Позавчера С. Герасимов делал разбор нашей работы. Его замечания были очень интересными, плодотворными, ценными. Касались они и Русланова. Однако Русланов их не слушал. Он просто... ушел!

Другой факт. К. Султанова, играющая служанку в доме помещика, видимо, считает, что она заслуживает более серьезной и значительной роли. Отсюда — невнимательность на репетициях, явное отсутствие всякой работы над собой дома... Боюсь, что режиссуре придется еще специально уделять время Султановой.

21 апреля. Мы отстали от плана на четыре репетиционных дня. Снова разговор с дирекцией. Боюсь, что результаты будут те же.

Бюллетени, выпускаемые «тройкой», оказывают определенное воздействие на работу производственных цехов. Задерживается только изготовление бутафории и реквизита.

Режиссура обеспокоена творческим состоянием участников спектакля. Чувствуется холодок, несобранность...

23 апреля. Сегодня по плану был намечен прогон двух первых актов. Но смогли показать только первый акт.

Что же нам помешало?

В этом дневнике я уже не раз отмечал факты опозданий, неорганизованности в самом ходе репетиций. Мы, «тройка», боролись с этими явлениями, как могли.

Но не только в этом дело. Дело, повидимому, еще и в том, что дирекция театра считает заданные нам сроки выпуска спектакля условными, нереальными.

А между тем план работы был составлен так, что эти сроки вполне могли бы быть выдержаны.

Почему я думаю, что дирекция относится к срокам выпуска спектакля скептически и с заведомым убеждением в том, что сроки придется продлить?

Потому что:

во-первых, часть актеров систематически отвлекалась на репетиции «Егора Булычова» (для записи на тонфильм);

во-вторых, нередко репетиции назначались в помещении, неудобном для выгородки;

в-третьих, сигналы «тройки» о нарушениях творческой и производственной дисциплины игнорировались.

Не знаю, как пойдут у нас дела дальше. Выпуск спектакля уже запаздывает на месяц.